

Пчелкина Евгения Петровна

кандидат социологических наук, старший преподаватель
кафедры общей и клинической психологии Белгородского
государственного национального исследовательского
университета

Мысли о связи моей и общей истории

Прежде, чем начать свои размышления о преломлении исторических событий в судьбах конкретных близких мне людей и своей судьбе, мысленно благодарю и предлагаю присоединиться к словам благодарности автору идеи – доктору философских наук, профессору Ирине Алексеевне Ильевой.

Думаю, что у каждого думающего человека время от времени появлялись мысли о связи общей истории страны, событий, происходящих в макромасштабе, и наших индивидуальных историй, как сейчас называют в науке – «индивидуальных траекторий социализации» или «личностного развития», «жизненного пути» и т.д. Каждый человек, рассказывая о своем жизненном пути, так или иначе, обозначает в качестве фона исторические события, а иногда и осмысливает их влияние и преломление у себя в жизни. Вот только оформить такой рассказ в виде письменного текста все как-то бывает некогда да и зачем, кому это нужно... Собрать же размышления от других еще сложнее. Когда получается это сделать, результат не может быть неин-

тересным. Чтение таких реальных историй жизни бывает всегда захватывающим. Когда я, городская жительница, читающая о селе только в художественной литературе, приехала жить в одно такое село, меня очень удивило желание местных бабушек рассказывать о себе, о том, как они жили раньше, о войне. Тогда там еще оставался местный уклад жизни. Теперь уже и там произошли перемены, и те бабушки в большинстве ушли из нашего мира в иной, но я помню их рассказы и то мое потрясение от открытости моих пожилых подруг-собеседниц. Я была ведь тогда совсем молодая, а они мне доверяли, раскрывали души. Большой частью их мужа погибли на войне или умерли вскоре после нее, а сыновья спились... Время было такое.

Хорошо, что нашелся человек, взваливший на себя всю организацию этого интеллектуального диалога. За это стоит благодарить. Мое огромное спасибо и надеюсь, что каждого из участников этого диалога, адресую хрупкой и мужественной женщине Ирине Алексеевне.

Позволю себе сказать немного слов об Ирине Алексеевне. Кроме научного руководства моим диссертационным исследованием, у нас было очень интенсивное и личностное общение. Все это было так тесно связано, что отделить одно от другого совсем нельзя, и нельзя сказать, что было важнее, может даже важнее личностное взаимодействие, чем научное, так как именно в нем рождались идеи, в том числе и в отношении научной работы, которую мы совместно возвращали. Ссорились при этом, спорили, переживали так, что обе болели, а потом снова работали и обменивались идеями и тем, что получалось в их оформлении. Мне очень повезло, я считаю, что в моей жизни встречались такие пламенно увлеченные люди, к которым относится и Ирина Алексеевна. У нее просто не могло быть неинтересных тем. Как-то в прошлом заведующий кафедрой социологии Геннадий Алексеевич Котельников сказал, что у нее столько идей, что хватит на всех с избытком.

Размышления на тему своей индивидуальной истории у меня самой все время связывались с тем, что происходило и происходит в нашей стране, в мире. Может быть даже излишне, на это мне постоянно указывал мой муж. Но я очень остро воспринимала связь распада, который произошел в стране и в отношениях у моих родителей, хотя и была уже взрослой – училась в институте. Разложение было сначала неявное: например, уже начали гоняться за красивыми иностранными вещами, а хорошо учиться стало как-то не модно, поколение старших женщин (ровесниц моим родителям) стали вдруг молодиться, с опаской и иногда с откровен-

ной завистью поглядывая на «свежих» девушек, а их мужья стали засматриваться и многие менять старых жен на новых и молодых... А потом произошел распад нашей страны. Неожиданно, потрясающе. Помню, как отец говорил, что надо бы и сухари на всякий случай сушить. А еще он, высококвалифицированный врач, как и многие тогда тоже пробовал себя на рынке – продавать какую-то обувь, а мы – дети – ему помогали. Было стыдно и жалко его. Да и дело как-то не заладилось. Куда дели потом этот огромный мешок с ботинками, не помню. Родители и моего будущего мужа тоже увлеклись тогда торговлей, было модно выходить на рынок. Людьюми двигала жажда наживы. Муж учился в вузе и бросил по родительскому требованию ради этой наживы продолжение учебы в аспирантуре, хотя блестяще сдал экзамены и начал проводить диссертационное исследование. Плакала и уговаривала его – нет, победил «насущенный хлеб» для родителей. А он так и потерял квалификацию. Нельзя предавать свое призвание. Оно и сейчас зовет и манит его, прорывается время от времени неисполненный интерес. Что же касается вожделенных денег, то их тоже не заработали тогда ни муж, ни его родители, ни мои...

Элементы же этого распада тогда мною только чувствовались на эмоциональном и интуитивном уровне, как говорить, кожей или душой. Сказать об этом было не кому, меня не понимали ни родители, ни сверстники. Родители, как мне видится теперь, тогда и сами себя не понимали, что у них в душах и что с ними в реальности происходило. У окружавших меня сверстников или у самих рушились родительские семьи, и

их тоже не понимали родители, или все было настолько «благополучно», что им хотелось еще больше удовольствий и надо было успеть их «нахватать», потому что как раз для этого был подходящий момент. Может быть, именно этим и был определен мой выбор профессионального обучения – психология. Хотелось разобраться, что же происходит там у нас в душах.

Некоторых моих сверстников уже нет в живых. Один раз, будучи уже солидной дамой, имеющей троих детей, была с коллегами на плановом медицинском проф. осмотре. Дошла очередь и до хирурга. Ему не хотелось осматривать, он был после большого возлияния, по-видимому, опьянение еще до конца не прошло. Мне тоже не хотелось, чтоб пьяный мужик, пусть даже врач, меня осматривал. Он спросил: «Надо смотреть тебя? Есть ли жалобы?» Я обрадовалась: «Не надо, нет жалоб». Ему тоже это понравилось, и он стал записывать в карточку обычное рутинное замечание врачей. Но вдруг поднял свои красные воспалившиеся глаза и удивленно уставился на меня. Потом сказал: «Впервые вижу свою ровесницу в таком состоянии!» (видимо, в хорошем). Я поняла, что это был комплимент и ответила: «Ну да, ведь мы «дети развала», так нас называют». Он загрустил и мне тоже было очень грустно, вспомнила про ушедших знакомых, про таких же спившихся ребят из моего класса, которые сначала подавали большие надежды, про растоптанное призвание моего мужа, про насмешки или недоумение людей, когда они видели моих троих маленьких детей, про медсестру в роддоме, сказавшую: «дура, не понимаю, ей не на

что жить, а она еще рожает», про Беслан, после которого люди стали нам с детьми уступать места в общественном транспорте...

Сейчас изменилось настроение в обществе. На одной из конференций в Москве ученые как один говорили о некоем странном факторе, который по-разному называли: «дух времени», «общественные настроения», просто «неизвестный фактор». Тогда было такое время – дети были не в моде, любовь, семья – тоже устаревшими понятиями, бедным быть было стыдно, но не стыдно было пить, менять семью на новую, наживаться на ближнем, ругать Родину, желательно и уехать из нее, наслаждаться и т.д. Еще вспомнился случай. Как-то шла с прогулки с двумя своими маленькими сыновьями, а крохотная дочка осталась дома с мужем, который пришел с работы и «позволил» мне отдохнуть. Пристал какой-то мужчина и все спрашивал, как меня зовут, хотел познакомиться и говорил тот вздор, который обычно в таких случаях говорят девушкам. Надоело его слушать. Сказала ему: «А ничего, что у меня вот дети, значит и муж предполагается?» Он засмеялся: «Девушка, Вы такая старомодная! Кто сейчас на это обращает внимание?!», – и пошел своей дорогой. Сейчас началось отрезвление, на смену тем «лихим годам» пришли «интеллигентные». Но некоторые мои знакомые скучают по тому времени, а молодежь не верит, что так было.

Преподавая в вузе, я часто спрашивала своих студентов-психологов, у кого родители являются неразведенными. Таких было мало: в одной группе только у одной студентки родители оказались ее собственными папой и

мамой, да и еще счастливыми в браке. Я была потрясена. Сейчас об этом не спрашиваю. Ушла актуальность проблемы для меня, точнее, проблема-то актуальная, но мне она стала не так уже интересна. Сама я себя чувствовала и мыслила и сейчас чувствую и мыслю призванной к тому, чтобы хотя бы немножко способствовать увеличению числа крепких семей, в которых любят детей и верны друг другу. Я искала такие семьи, когда рушилась родительская семья. Мне хотелось узнать, вообще есть ли такие семьи или их нет. Они были и есть, хотя и мало их, я их нашла. В этих семьях, часто не богато живущих, есть любовь и уважение ко всем членам, и даже вообще к людям, в них хватает любви не только на своих детей, но и на чужих. Когда-то я пригласилась в одной такой семье моей подруги, мне там были рады. А дома – нет, у родителей все время были разборки, им было не до детей.

У большинства моих знакомых были проблемы с родителями, а у тех – проблемы друг с другом, и может быть это была норма для того времени. Это было какой-то массовой ситуацией: вокруг только и говорили, что надо получить от жизни как можно больших удовольствий, наслаждений, денег, роскоши, секса, увидеть как можно больше стран, получить как можно больше наград (я это называю – повесить себе медалей на грудь и потом бить себя кулаком в эту грудь и хвалиться своим величием) и т.д. Об этом кричали СМИ, говорило взрослое родительское поколение: например, моя свекровь любила повторять, что зачем ей внуки, надо же для себя успеть пожить. Она так и не познала радость общения с детьми,

впрочем, как и многие женщины и мужчины послевоенного поколения, для жизни которых умирали наши деды и их отцы. Из рассказов моей и мужниной родни, а также по воспоминаниям уже ушедших моей любимой прабабушки, когда наши деды воевали и погибали на фронтах, их жены и матери делали все, чтобы остались жить их дети, их маленькие хозяйства и наша страна. Но вот, что получилось. Выросшие их дети стали такими эгоистами, которые сами не воспитывали своих детей, их воспитали или бабули, или государство. Они же оправдывали себя тем, что работали, им не давали декретного отпуска, как сейчас. А разве для любви к ребенку и внимательного отношения к его проблемам, отрыва и отвлечения от своих забот и удовольствий нужен декретный отпуск? Можно ведь в любых обстоятельствах любить детей. Любили же их матери во время войны или в трудное послевоенное время. Теперь они не хотят сидеть с внуками – наконец-то можно для себя пожить, когда собственные дети перестали мешать им в этом. Наши с мужем родители не сидели с моими детьми ни разу, они и не стремятся их видеть теперь, им достаточно спросить меня или мужа (что бывает очень редко) о том, как дела у детей. Самих же детей они не спрашивают, они им не нужны. Это закономерно, ведь не хотели же они их рождения, было очень сильное сопротивление тому, что я решала оставлять каждого ребенка. Время было такое, аборт делалось много, как говорила мне свекровь, приводя конкретные примеры.

Вновь отмечаю изменившийся вектор общественных настроений. Сегодня

дети считаются не обузой, а радостью, хотя желательно запланированной. Наличие многих детей не считается постыдным, а указывает на благополучие в семье, значит, женщина уверена в муже и может позволить себе родить еще ребенка. Много ли сейчас искренне любящих семей, где всем достает тепла, любви и уважения, не уверена, но однозначно больше, чем раньше. Больше искренне верующих в Бога, а у них по моим собственным наблюдениям и по данным социологических исследований, семьи в большинстве случаев благополучные, крепкие.

Радостно мне видеть молодых в Храмах да еще и с детьми. Радостно видеть молодых мам, и особенно отцов, гуляющих с детьми и увлеченно играющих с ними, а не просто отбывающих повинность, что-то объясняющих, беседующих с детьми, заинтересованных, участвующих в их жизни. И сегодня встречается всякая молодежь: и хорошая, и похуже. Но перевес потихонечку идет в сторону стремящихся к истинным ценностям, непреходящим. Главное не помешать этому. А для этого лучшим является все-таки собственный пример.

Позволю завершить свои размышления словами Св. Луки (Войно-Ясенецкого), который жил совсем недавно и был современником моей любимой прабабушки. Он сейчас канонизирован, и даже художественный фильм про него сняли. Хирург, профессор медицины, но верный Богу и свое-

му призванию, как впрочем, и другой хирург – Федор Углов, да и многие другие. Св. Лука был для меня духовным светочем, когда моя душа металась и искала правды. Прочитав о нем в первые небольшую заметку в «Медицинской газете», была утешена тем, что наука и вера не противоречат друг другу, как нам внушали. В своей автобиографии и в воспоминаниях о нем есть такой эпизод. У него только что умерла жена и остались на руках четверо детей, а он не отрекся от своего призвания, якобы ради детей, терпел за это гонения и ссылки и считал, что только собственный пример мужества и верности Богу и людям будут для его собственных детей лучшей заботой о них.

Наша страна, моя Россия потихонечку возрождается, встает на ноги и идет к Богу, к вере своих отцов. Вся история показывает важность для возрождения России преемственности и верности Православной вере предков, отдававших жизни, но не поклонившихся идолам. У каждого свой путь к Богу. Главное не сворачивать с него. Сила России изнутри, в ее стойкости. По словам Св. Пр. Сергия Радонежского, мы можем спастись только в любви и единении. И многие философы (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин) указывали на особую удивительную красоту Православной культуры, в основе которой всегда была крепкая вера в Бога.